

Людмила Павловна Гарбуль

Вильнюсский университет (Литва)

К вопросу о роли письменности Великого княжества Литовского в межславянских языковых контактах

В публикации на материале дипломатической корреспонденции Московского государства показывается двойная роль письменности Великого княжества Литовского (канцелярского языка и “простой мовы”) как посредника и источника заимствований в межславянских языковых контактах XV–XVII вв. Приводятся обобщенные данные проводившихся ранее исследований, согласно которым письменность Великого княжества Литовского выступала в роли активного посредника в польско-русских языковых контактах указанного периода, а также представлены установленные ранее случаи лексических и семантических заимствований из этого источника в русском письменном языке. Кроме того, рассматриваются вновь выявленные заимствования из письменности Великого княжества Литовского в русском приказном языке XVII в.

Ключевые слова: межславянские языковые контакты, польско-русские языковые контакты, дипломатическая (-ие) корреспонденция (документы) Московского государства, письменность Великого княжества Литовского (канцелярский язык, “простая мова”), язык-посредник, язык-донор, лексическое заимствование, семантическое заимствование.

Исследования межславянского языкового взаимодействия в XV–XVII вв., проводившиеся в XX–начале XXI вв., показали, что письменность Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) играла в этих контактах двойную роль [см. Золтан 1983, 342–343; 2014, 14–15, 17; Гарбуль 2009, 45–46, 52–53; 2010, 77–94; 2014а, 253–255]. Согласно нашим данным, основанным на материале дипломатической корреспонденции Московского государства (далее МГ) конца XVI–первой половины XVII вв., письменные языки ВКЛ (канцелярский язык и “простая мова”) выступали в качестве активных посредников в польско-русских языковых контактах XV–XVII вв. Нами установлено, что при заимствовании более 900 лексических и более 330 семантических полонизмов, обнаруженных в дипломатических документах МГ, в более чем 80%

случаев роль активного посредника, вероятнее всего, играли канцелярский язык ВКЛ и/или “простая мова” [см. Гарбуль 2014а, 252–254; 2015, 15; 2009, 422, 425; 2014б, 75; 2016, 52]. Однако, как отмечает венгерский славист А. Золтан [2014, 14], письменность ВКЛ в межславянских языковых контактах выступала не только в роли языка-посредника, передатчика полонизмов в русский язык, но и в роли языка-донора. По его наблюдениям, в русский письменный язык в XV–XVI вв. наряду с полонизмами вошли также собственно западнорусские (украинские и/или белорусские) слова [Золтан 1983, 342–343; 2014, 15]. Эта информация подтверждается и материалами наших исследований.

Так, по нашему мнению, лексическими заимствованиями из письменности ВКЛ являются выявленные нами в дипломатической корреспонденции МГ первой половины XVII в. слова: *баламутъ/ боламуть* ‘тот, кто сбивает с толку; смутьян’¹ [Гарбуль 2014а, 211–212], *будникъ* ‘крестьянин, приписанный к будному стану, майдану (поташному, смолокуренному, селитряному производству)’ [там же, 214], *будный* в составе сочетания *будный станъ* ‘поташное, смолокуренное или селитряное заведение в лесу и селение при нем’ [там же], *волока* ‘мера (или участок) земли, принятая в ВКЛ и Западной Руси (приблизительно 16,8–21 га)’ [Гарбуль 2010, 79–81], *выпустошити* ‘опустошить’² [там же, 81–83], *выразумъти/ выразумети* ‘понять что-л. вполне, постигнуть умом, уразуметь; узнать, выяснить’³ [там же, 83–86], возможно, *высвобожати* ‘избавлять от неволи, чьей-л. власти и т. п.; освобождать’ [Гарбуль 2015, 5–6], *запровадити* ‘отправить, отослать; препроводить’ [Гарбуль 2014а, 219–220], *капицизна* ‘подать на право изготавливать хмельные напитки и торговать ими’⁴ [там же, 222–223], *князство* ‘область, управляемая владетельным князем’ [там же, 225–226], *лѣсничий/ лесничий* ‘должностное лицо, ведающее охраной лесов; управляющий королевскими лесами (королевскими поместьями) в Польско-Литовском государстве’⁵ [там же, 232], *нарушивати* ‘преступать, не соблюдать что-л. установленное, условленное; поступать вопреки чему-л.’ [Гарбуль 2010, 86–87], *нарушитися* ‘оказаться невыполненным, несоблюденным, (о чем-л. условленном, установленном)’⁶ [там же, 87–89], *повинность* ‘вина; причина, источник чего-л. (неблагоприятного)’ [Гарбуль 2014а, 237], *прирадити* ‘дать совет, посоветовать, порекомендовать; посоветоваться, принять общее решение’ [там же, 241]. Лексемы *бо* ‘ведь, ибо, потому что, так как (в начале придаточного предложения)’ [Гарбуль 2014а, 213–214], *вол(ь)но* ‘(в знач. *предикат.*) можно, позволительно, не возбраняется, разрешается’ [Гарбуль 2014б, 66–67], *заживати* ‘употреблять, использовать, применять что-л.; пользоваться чем-л.’ [там же, 70–71] и

княжство ‘область, управляемая владетельным князем’ [Гарбуль 2014а, 225–226] в представленных выше значениях, вероятнее всего, являются семантическими заимствованиями из того же источника.

В данной публикации обратимся к истории двух слов, не привлекавших ранее внимание исследователей, и попытаемся доказать, что в одном случае мы имеем дело с лексическим, а в другом случае с семантическим заимствованием из письменности ВКЛ.

ПОРОДА (1)* *жс.* Семья, род, родня; происхождение (принадлежность по рождению к какой-л. социальной группе, роду, местности); врожденные, связанные с происхождением черты внешности, характера (физический облик, совокупность всех психических, духовных свойств человека, обнаруживающихся в его поведении): *А про Казимера де и про Кароля приказаль Владиславъ король умирая, что они въ духовенствъ, да и породю страшиливы* [АЮЗР 3, 286 (243), 1649 г.].

Это слово представляет собой производное с помощью темы *-a* от префиксального глагола, восходящего к имеющему общеславянское распространение и родственные связи в балтийских и других индоевропейских языках праслав. **roditi*, 1 л. ед. ч. **rodjo* ‘производить на свет потомство; плодоносить’, которое является отыменным образованием от праслав. **rodъ* (<**ordъ*) ‘поколение; род, племя’ < и.-е. корень **uredh-*: (**urōdh-*): **urdh-* ‘расти; разрастаться’, ‘подниматься; прибывать’ [см. Boguš 2005, 516, 524; Pokorný I, 1167; ИЭССРЯ II, 118–119; Фасмер III, 490–491, 492].

Мы обнаружили слово *порода* в указанном выше значении в дипломатической корреспонденции конца 40-х гг. XVII в. по сношениям МГ с Польшей и ВКЛ, где оно употребляется для характеристики психических особенностей личности. На данный момент этот случай следует считать наиболее ранней фиксацией лексемы в русской письменности.⁷ Несколько позднее (1652 г.) она встречается в описании посольства Н.М. Толочанова в Имеретию, где используется для описания физического облика человека [СлРЯ XI–XVII вв. 17, 120]. В 60–70-х гг. XVII в. существительное *порода* в приведенных выше употреблениях, а также для указания на принадлежность человека к какой-либо социальной группе, роду, местности или на его этническую принадлежность засвидетельствовано у Г. Котошихина, а также в деловой письменности и переводах с польского языка [там же, 17, 119–120]. В словаре, отражающем русский язык XVIII в., это слово представлено в значениях

* Здесь и далее цифрой в скобках указывается количество употреблений анализируемой лексемы в наших материалах. В приводимых примерах усечения начала и конца цитаты не отмечаются.

‘происхожденіе рода’ и ‘видъ животныхъ, растеній или ископаемыхъ, имѣющихъ одинакій наружной отличительный признакъ’ [САР V, 4]. В лексикографическом источнике, регистрирующем русский язык XIX в., анализируемая лексема фиксируется во всех тех значениях, в которых она бытовала в XVII–XVIII вв., но значение ‘природа, врожденное свойство’, в котором слово *порода* было выявлено впервые, уже снабжено пометой “стар.” [Даль III, 319]. Существительное *порода* до настоящего времени входит в активный состав русской лексики. Что касается судьбы этого слова в интересующем нас употреблении, то такие оттенки значения ‘разряд, категория, тип людей, отличающихся от других какими-л. характерными свойствами, качествами, признаками’, как ‘физический облик, телосложение человека’ и ‘физический облик человека как признак его национальности, этнической принадлежности’ в словаре современного русского языка имеют пометы: первый — “разг.”, второй — “устар.” [БАС 18, 766–767]. Пометой “разг.” в том же источнике сопровождается также значение ‘семья, род, родня; совокупность физических, нравственных и т. п. качеств, свойственных родственникам и передающихся от поколения к поколению’ [там же, 18, 767]. Заметим, что анализируемая лексема в значении ‘*собир.* семья, близкие родственники; общие наследственные черты, присущие родственникам; особенности личности человека’ в XX в. была распространена в говорах Новгородской, Псковской, Рязанской областей и на Дону, а также в Глубовском районе Восточно-Казахстанской области [СРНГ 30, 66–67].

Характер памятников, в которых слово *порода* на первых порах фиксировалось в письменности, и относительно поздняя хронология его регистрации, с учетом того, что мотивирующий глагол *породити* ‘родить, произвести на свет’ был известен уже в древнерусском языке [СлДРЯ VII, 218; СлРЯ XI–XVII вв. 17, 120], на наш взгляд, дают основания для предположения о возможной его неисконности в русском языке, тем более что лексическими заимствованиями из польского языка в русский считаются однокоренные слова *природа* ‘происхождение, принадлежность по рождению к какой-л. этнической, социальной или религиозной группе’, ‘порода, род, разновидность’ [см. Witkowski 2006, 169; Гарбуль 2014а, 142–143], *прирожение* ‘природа; природные свойства, качества; характер’, ‘происхождение, рождение’ [см. Тамань 1960, 102–104; Kochman 1967, 136; Witkowski 2006, 170; Гарбуль 2014а, 143], *прироженный* ‘полученный от рождения, данный при рождении’, ‘исконный’, ‘родовой, наследственный’ [см. Kochman, там же; Witkowski, там же; Гарбуль, там же]. При этом важно отметить, что все три лексеммы были заимствованы в русский письменный язык в XVI–XVII вв. через посредничество письменности ВКЛ.

Исходя из приведенной выше информации, предполагаемым источником слова *poroda* в русском языке мог быть польский язык. В старопольских памятниках встречается единственное употребление существительного *poroda* в значении ‘*rokolenie, ród, aestas, gens*’, датированное 1437 г. [SłStp VI, 405]. Для XVI в. данных о бытовании слова *poroda* в польской письменности нет. В лексикографическом источнике, регистрирующем польский язык XVII–XVIII вв., эта лексема отмечается в значениях ‘*rodzenie, plód*’ (одна иллюстрация, датированная 1636 г.) и ‘*plód nadzwyczajny, dziwotwór, monstr, potwora*’ (примеры, датированные второй половиной XVIII в.) [Linde IV, 356]. В словаре, отражающем польский язык XIX в., анализируемое существительное в первом из указанных выше значений снабжено пометой “*staropolski*”, а во втором — пометой “*mało używany*”; кроме того, в XIX в. оно засвидетельствовано в диалектах в составе фразеологизма *na porodzie* ‘*nigdy jako żywo, nigdy w życiu*’ [Karłowicz IV, 703; SłGP 4, 271]. В лексикографии XX в. это слово с пометой “*daw.*” фиксируется в значениях ‘*urodzaj*’, ‘*ród, gatunek; rasa*’ и ‘*poród*’ [SłJP VI, 1056], а в словарях польского литературного языка XXI в. оно уже не представлено.

Опираясь на данные из истории лексемы *poroda* в польском языке, следует отклонить высказанное нами выше предположение о возможности ее заимствования из польского языка в русский. Более того, по мнению польского исследователя А. Баньковского [2, 705], слово *poroda* в значении ‘*odmiana, rasa (bydła)*’, до сих пор фиксирующееся в польских говорах, проникло сюда из восточнославянских языков. Учитывая это замечание А. Баньковского, проследим историю лексемы *poroda* в письменности ВКЛ. Здесь это слово в значении ‘*родавае паходжанне; роднасць; прыналежнасць да якой-н. сацыяльнай групы*’ известно с конца 80-х гг. XV в. и регистрировалось в этом значении в XVII–XVIII вв. [ГСБМ 27, 7; ПГССЛ 2, 116; КГСБМ, 686; Тимченко 2, 175]. В украинском языке XIX в. слово *poroda* бытовало в значении ‘*родь, поколѣнїе, фамилїя*’ [Грінченко 3, 345]. В современном украинском языке рассматриваемое существительное, помимо других значений, характерных для него и в русском литературном языке, употребляется и в интересующем нас значении ‘*перен. сукупність рис вдачі, характеру, що створює певний тип людей; категорія тип людей, що відрізняються від інших якими-н. характерними ознаками, особливостями поведінки, вдачі і т. ін.*’, а также в значении ‘*рід, сім’я, рідня; перен. сукупність характерних для кого-н. фізичних ознак, особливостей вдачі, одержаних спадково*’, употребление которого ограничено разговорным стилем речи [ВТССУМ, 207]. Значение ‘*походження, належність за народженням до*

якої-н. соціальної верстви' в словаре современного украинского языка снабжено пометой "заст." [там же]. В белорусском языке XX в. слово *порода* активно употреблялось в тех же значениях, что и в литературных русском и украинском языках того же столетия, а использование значений 'катэгорыя людзей з якімі-н. характэрнымі рысамі; вонкавы выгляд, склад цела чалавека' и 'род, сям'я, радня' было ограничено разговорным стилем речи [ТСБМ 4, 55], тогда как в лексикографическом источнике белорусского языка начала XXI в. первое из этих значений '*перан. разрад, тып людзей, якія адрозніваюцца ад іншых сваім унутраным складам, характарам, абліччам*' не имеет ограничительных помет [ТСБЛМ, 444–445]. Что касается значения 'прыналежнасць да якой-н. сацыяльнай групы; сацыяльнае паходжанне', то оно в словарях XX–XXI вв. сопровождается пометой "уст." [ТСБМ 4, 55; ТСБЛМ, 445].

Сопоставление фактов из истории лексемы *порода* внутри восточнославянского языкового ареала, по нашему мнению, свидетельствует скорее в пользу заимствования ее в русский письменный язык в XVII в. из письменности ВКЛ, нежели о самостоятельном образовании в первом. В связи с этим примечательно, что наиболее раннюю фиксацию самого слова *порода* в восточнославянской лексикографии мы находим у П. Берынды [1627, 168]⁸.

СИЛ(Ь)НИКЪ (1) *м.* Насильник, грабитель, притеснитель: *Но тоть силникъ мой і обидитель ... толь многую свою злобу выполняючи, і моего добра отдати не хочючи, учинилъ мне ... великие убытки* [РИБ 15, 313 (136), 1651 г.].

Анализируемая лексема является отыменным суффиксальным производным, которое могло быть мотивировано как прилагательным, так и — опосредованно — существительным, восходящим к имеющему общеславянское распространение праслав. **sila* (< **sēilā*) 'энергия, сила, мощь', слову с неясной этимологией и близкими соответствиями только в балтийских языках, возможной и.-е. базой которого считается **sēj-* 'напрягаться, натягиваться' [см. Вору́с 2005, 547–548; ИЭССРЯ II, 162; Фасмер III, 621].

Это существительное регистрируется уже в древнерусском языке в значениях 'властитель, повелитель, правитель' и 'силач' [СлРЯ XI–XVII вв. 24, 141; Срезневский III, 352]. В интересующем нас значении лексема *силникъ* впервые фиксируется в летописном источнике под 1476 г. (список XVI в.) [СлРЯ XI–XVII вв., там же]. Мы обнаружили слово *сил(ь)никъ* в значении 'насилник, грабитель, притеснитель' в дипломатическом документе середины XVII в., отражающем контакты МГ со Швецией. Во второй половине XVII в. анализируемое существитель-

ное отмечалось в основном в деловом языке в значении ‘человек, проявляющий непослушание; ослушник; мятежник, бунтарь’, близком к интересующему нас [СлРЯ XI–XVII вв., там же]. В лексикографическом источнике, регистрирующем русский язык XVIII в., лексема *сильникъ* в значении ‘богатырь, витязь’ снабжена пометой “рѣдко употр.”, а в значении ‘обидчик, притеснитель’ — пометой “иногда” [САР VI, 143]. В словаре, отражающем русский язык XIX в., это слово в первом из указанных выше значений сопровождается пометой “црк.”, а во втором ‘насильникъ, обидчикъ, своевольникъ или притѣснитель’ — пометой “стар.” [Даль IV, 185]. За пределами XIX в. история рассматриваемого существительного для русского литературного языка не прослеживается, но в значении ‘насильник’ оно встречается в говорах Сибири и в просторечии [Шарифуллин 2007].

Ряд обстоятельств, связанных с историей анализируемой лексемы в интересующем нас значении в русском языке, наводит на мысль о возможном межславянском семантическом заимствовании. К этим обстоятельствам можно отнести единичные случаи ее фиксации в русской письменности в XVI–XVII вв. и характер памятников, в которых она встречалась в XVII в., а также спорадичность употребления в XVIII в. Кроме того, в пользу нашего предположения может свидетельствовать и то, что прилагательное *сильный* в значении ‘связанный с применением силы, насилия’, которым могло быть мотивировано существительное *сильникъ* в значении ‘насильник, грабитель, притеснитель’, встречается в русской деловой письменности позже мотивируемого слова, только с 20-х гг. XVII в., и в этом столетии отмечено всего два его употребления (1629 г. и 1697 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 24, 145]. При этом существительное *сила* в значении ‘произвол, притеснение, насилие’, которым могло быть мотивировано как прилагательное в указанном выше значении, так и опосредованно анализируемое нами слово, засвидетельствовано в древнерусском языке уже в середине XII в. [там же, 24, 135], то есть задолго до появления в русской письменности обеих производных лексем, от которых его отделяют четыре–пять столетий.

Учитывая изложенное выше, а также то, что существительное *сильникъ* является внутриславянским дериватом, источником анализируемого значения мог быть тот славянский язык, с которым у русского языка в XVI–XVII вв. были наиболее активные контакты, а именно польский. Однако в польской письменности лексема *silnik* пока зарегистрирована только в источниках XIX в. в значениях ‘motor; siła poruszająca maszyny, przrząd’ и ‘szczmiel (boehmeria), roślina z rodziny pokrzywowatych’ [Karłowicz VI, 113]. В первом из этих значений *silnik* бытует в польском

языке до настоящего времени [SłJP VIII, 224; USłJP 3, 1208]. Принимая во внимание сведения об истории рассматриваемой лексики в польском языке, следует исключить возможность семантического калькирования с этого языка.

В данном случае источником семантического заимствования могла быть письменность ВКЛ, где *сил(ь)никъ* с последней четверти XV в. представлено в значении ‘моцны ў грамадскіх і маёмасных адносінах чалавек’, а с конца XV–начала XVI вв. — в значении ‘грабіжник, насильник’, ‘гвалтоўнік’ [ССМ 2, 344; ГСБМ 31, 259–260; ПГССЛ 2, 288]. В первом из приведенных выше значений анализируемая лексема фиксировалась в памятниках ВКЛ в XVI–XVII вв. и бытовала в украинском языке XVIII–XIX вв. [Берында 1653, 146; Тимченко 2, 320;⁹ Грінченко 4, 120], а во втором значении ее судьба пока не прослеживается далее XVI в. В словаре современного украинского языка *сільний чоловік* ‘сильный человек’ снабжено пометой “заст.” [ВТССУМ, 1315].

На наш взгляд, приведенная выше информация дает определенные основания для предположения о семантическом заимствовании в русский письменный язык XVI в. из письменности ВКЛ. То, что это значение могло первоначально возникнуть в письменности ВКЛ, подтверждается регистрацией с конца 70-х гг. XIV в. в канцелярском языке существительного *сила* в мотивирующем значении ‘насильство, примус’, с начала XV в. наречий *сил(ь)но*, *силне* ‘сілком, гвалтам’ [ССМ 2, 343; ГСБМ 31, 260]. Кроме того, в актовом языке со второй половины XV в. засвидетельствованы однокоренные существительные *сил(ь)ность* в значении ‘націск, гвалт’¹⁰ и *силство* в значении ‘згвалтаванне’¹¹ [ССМ 2, 344; ГСБМ 31, 260, 263; ПГССЛ 2, 287]. В старопольских источниках наиболее ранняя фиксация лексики *siła* в значении ‘siła sprzeczna z prawem, przemoc, gwałt’ относится к 1392 г. [SłStp VIII, 204; Boryś 2005, 547], прилагательное *silny* в значении, которым могло быть мотивировано слово *silnik*, в старопольских памятниках пока не выявлено¹², а существительное *silność* в XV в. отмечено только в значении ‘siła, moc’ [SłStp VIII, 201; Reczek 1968, 445].

Обобщая результаты анализа рассмотренных выше лексем и данные исследований, проводившихся нами ранее, можно сформулировать следующие выводы: письменность ВКЛ играла не только роль весьма активного посредника в межславянских, в частности польско-русских, языковых контактах, но и выступала в роли языка-донора. Так, к настоящему времени нами в общей сложности выявлено 16 лексических и 5 семантических заимствований из этого источника в русский письменный язык XV–XVII вв., из них 6 случаев — это также вероятные

лексические заимствования в польский язык XV–XVIII вв. (см. примечания 1, 2, 3, 4, 5, 6). Эти данные дополняют перечень заимствований из письменности ВКЛ в русский письменный язык XV–XVI вв., который приводится в исследованиях А. Золтана [2014, 46–152].

Если, исходя из представленной в этой публикации информации, сопоставить роль письменных языков ВКЛ (канцелярского языка и “простой мовы”) в межславянских языковых контактах XV–XVII вв., то в указанный период они значительно чаще выступали в качестве посредников, нежели в качестве источников заимствований, возможно, поэтому изучению последней роли письменности ВКЛ совершенно незаслуженно уделялось меньше внимания, чем исследованию первой роли. В связи с этим хотелось бы привлечь более пристальное внимание к разработке проблематики межславянского языкового взаимодействия внутри самого восточнославянского ареала. По нашему мнению, это направление в изучении межславянских языковых контактов является не менее важным и перспективным, чем исследование контактов между группами (подгруппами) славянских языков, поскольку такие изыскания будут способствовать более полному выявлению межславянских заимствований, а главное — более точному установлению их источника, что, по замечанию А. Золтана, крайне важно “для верификации результатов реконструкции праславянского словарного фонда” [2014, 152], а также для исторической лексикологии и лексикографии каждого из контактировавших славянских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эта лексема в XVI в. была заимствована из письменности ВКЛ не только в русский, но, вероятнее всего, и в польский язык [Гарбуль 2014а, 212].

² Перфектив *wypustoszyć* из письменности ВКЛ попал, видимо, и в старопольский язык XV в. [Гарбуль 2010, 83, 89].

³ Этот глагол из письменности ВКЛ проник не только в русский язык, но, по-видимому, и в польские памятники XVI в. [там же, 85–86, 89].

⁴ Слово *kapicizna* в этом значении является заимствованием из письменности ВКЛ не только в русском письменном языке XVII в., но, очевидно, и в польском языке XVIII в. [Гарбуль 2014а, 223].

⁵ Не исключено, что и в польский язык *leśniczy* могло попасть из письменности ВКЛ во второй половине XVI в. [там же, 232].

⁶ Перфектив *naruszyć się*, возможно, и в польских источниках XVI в. является заимствованием из письменности ВКЛ [Гарбуль 2010, 88, 89].

⁷ В древнерусском языке уже с XI–XII вв. отмечается омоним *poroda* ‘рай, райское блаженство’ [СлДРЯ VII, 218; СлРЯ XI–XVII вв. 17, 120].

⁸ Здесь это слово представлено таким образом: “Poróda: Otchizna. Kiril Ierslim”.

⁹ С. К. Тимченко ошибочно определяет значение существительного *силникъ* как ‘силач’, ссылаясь на П. Берынду, у которого эта лексема представлена следующим образом: “Велможа, Силник. зри Силный” [Берында 1653, 13] и “Силный: Можный, силникъ, велможа, искусный. зри Велможа” [там же, 146].

¹⁰ В русской письменности слово *сильность* впервые представлено в последней четверти XVI в. в переводном с польского языка памятнике *Назиратель* в значении ‘сила, жизнеспособность; тучность (злаков)’ [СлРЯ XI–XVII вв. 24, 143]. Затем находим эту лексему в лексикографическом источнике, регистрирующем русский язык XIX в., в значении ‘для обозначения состояния и качества по прилагательному *сильный*’, где она приводится без иллюстраций [Даль IV, 185]. За пределами XIX в. судьба существительного *сильность* для русского языка не прослеживается.

¹¹ Существительное *сильство* в значении ‘могущество’ известно в древнерусском языке с XI в., в русском письменном языке история его ограничивается XVI в. [СлРЯ XI–XVII вв. 24, 147].

¹² В старопольских памятниках XIV–XV в., в отличие от письменности ВКЛ, пока не выявлены и наречия *silnie, silno* в соответствующем значении.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

АЮЗР – *Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею*, т. 3. Санкт-Петербург, 1861.

РИБ – *Русские акты Ревельского городского архива (1397–1689 гг.)*. Под ред. А. Барсукова. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею, т. 15. Санкт-Петербург, 1894.

СЛОВАРИ

БАС = *Большой академический словарь русского языка*. Гл. ред. К. С. Горбачевич, т. 1–9; гл. ред. А. С. Герд, т. 10–23. Москва–Санкт-Петербург, 2004–2014.

Берында П., 1627: *Лексіконъ славеноросскій и именъ тлъкованіе*. Київ.

Берында П., 1653: *Лексіконъ славеноросскій и именъ толькованіе*. Кутеин.

ВТССУМ = *Великий тлумачальний словник сучасної української мови*. Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ, 2005.

ГСБМ = *Гістарычны слоўнік беларускай мовы*, вып. 1–35. Мінск, 1982–2015.

Грінченко Б., 1996–1997: *Словарь української мови в чотирьох томах*, т. 1–4. Київ.

Даль В., 1978–1980: *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Москва.

ИЭССРЯ = Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, т. I–II. Москва, 1999.

КГСБМ = *Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы*. Склад. А. М. Булыка. Мінск, 2015.

ПГСЛ = Булыка А. М. (рэд.), *Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі*, т. 1–2. Мінск, 2013.

- САР = *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*, ч. I–VI. Санкт-Петербург, 1806–1822.
- СлДРЯ = *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. I–X. Москва, 1988–2013.
- СлРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–29. Москва, 1975–2011.
- Срезневский И. И., 1893–1912: *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. I–III. Санкт-Петербург.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов; С. А. Мызников, вып. 1–47. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург, 1965–2014.
- ССМ = *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.*, т. 1–2. Київ, 1977–1978.
- ТСБЛМ = Суднік М. Р., Крыўко М. Н. (рэд.), *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. 3-е выданне. Мінск, 2002.
- ТСБМ = *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, т. 1–5. Мінск, 1977–1984.
- Тимченко Є. К., 2002–2003: *Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст.* Підготували до видання В. В. Німчук та Г.І. Лиса, кн. 1–2. Київ–Нью-Йорк.
- Фасмер М., 1964–1973: *Этимологический словарь русского языка*. Пер. и доп. О. Н. Трубачева, т. I–IV. Москва.
- Шарифуллин Б. Я., 2007: *Историко-лингвистический словарь трилогии А. М. Бондаренко “Государева вотчина”*. URL: [http://sovereign_patrimony.academic.ru/\(16.06.2016\)](http://sovereign_patrimony.academic.ru/(16.06.2016)).
- Bańkowski A., 2000: *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1–2. Warszawa.
- Boryś W., 2005: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
- Karłowicz = *Słownik języka polskiego* ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego, t. I–VIII. Warszawa, 1900–1935.
- Linde S. B., 1854–1860: *Słownik języka polskiego*, t. I–VI. Lwów.
- Pokorny J., 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, bd. I, Bern.
- Reczek St., 1968: *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- ŚlGP = Karłowicz J., *Słownik gwar polskich*, t. 1–6. Kraków, 1900–1907.
- ŚlJP = *Słownik języka polskiego*, t. I–XI. Warszawa, 1958–1969.
- ŚlStp = *Słownik staropolski*, t. I–XI. Warszawa, 1953–2002.
- USJP = *Uniwersalny słownik języka polskiego* pod redakcją S. Dubusza, t. 1–4. Warszawa, 2003.
- Witkowski W., 2006: *Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim*, wyd. II rozszerzone. Kraków.

ЛИТЕРАТУРА

- Гарбуль Л., 2009: *Семантические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Vilnius.
- Гарбуль Л. П., 2010: Письменность Великого княжества Литовского как источник лексических заимствований в других славянских языках, *Slavistica Vilnensis (Kalbotyra 55 (2))*. 77–94.

- Гарбуль Л., 2014а: *Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века*. Vilnius.
- Гарбуль Л. П., 2014б: Межславянские семантические заимствования в русском приказном языке XVII века, *Slavistica Vilnensis*, 59. 63–80.
- Гарбуль Л., 2015: Межславянские лексические заимствования в дипломатической корреспонденции Московского государства, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 60/1. 1–19.
- Гарбуль Л. П., 2016: Незамеченные семантические полонизмы в приказном языке Московского государства, *Slavistica Vilnensis*, 61. 35–61.
- Золтан А., 1983: Некоторые аспекты польско-восточнославянских языковых контактов в области лексики (К вопросу о полонизмах в посланиях Ивана Грозного к Стефану Баторию), *Hungaro-Slavica* 1983. Budapest, 333–344.
- Золтан А., 2014: *Inter Slavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва.
- Тамань В. М., 1960: Полонизмы в языке русских памятников XVI в., in: *Ученые записки ЛГУ*, 267. *Серия филологических наук*, вып. 52. 98–124.
- Kochman S., 1967: *Polsko-rosyjskie kontakty językowy w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław–Warszawa–Kraków.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Garbul' L., 2009: *Semanticheskie polonizmy v russkom prikaznom jazyke pervoj poloviny XVII veka*. Vilnius.
- Garbul' L. P., 2010: Pis'mennost' Velikogo knjazhestva Litovskogo kak istochnik leksicheskikh zaimstvovanij v drugih slavjanskih jazykah, *Slavistica Vilnensis* 2010 (*Kalbotyra* 55 (2)). 77–94.
- Garbul' L., 2014a: *Leksicheskie polonizmy v russkom prikaznom jazyke pervoj poloviny XVII veka*. Vilnius.
- Garbul' L. P., 2014b: Mezhslavjanskie semanticheskie zaimstvovanija v russkom prikaznom jazyke XVII veka, *Slavistica Vilnensis* 2014 (59). 63–80.
- Garbul' L., 2015: Mezhslavjanskie leksicheskie zaimstvovanija v diplomateskoj korrespondencii Moskovskogo gosudarstva, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 60/1. 1–19.
- Garbul' L. P., 2016: Nezamechennye semanticheskie polonizmy v prikaznom jazyke Moskovskogo gosudarstva, *Slavistica Vilnensis* 2016, 61. 35–61.
- Kochman S., 1967: *Polsko-rosyjskie kontakty językowy w zakresie słownictwa w XVII wieku*. Wrocław – Warszawa – Kraków.
- Taman' V. M., 1960: Polonizmy v jazyke russkich pamjatnikov XVI v., in *Uchenye zapiski LGU*, 267. *Serija filologicheskikh nauk*, vyp. 52. 98–124.
- Zoltan A., 1983: Nekotorye aspekty pol'sko-vostochnoslavjanskih jazykovyh kontaktov v oblasti leksiki (K voprosu o polonizmah v poslanijah Ivana Groznogo k Stefanu Batoriju), *Hungaro-Slavica* 1983. Budapest, 333–344.
- Zoltan A., 2014: *Inter Slavica. Issledovanija po mezhslavjanskim jazykovym i kul'turnym kontaktam*. Moskva.

LIUDMILA PAVLOVNA GARBUL¹

On the Question of the Role of the Written Language of the Grand Duchy of Lithuania in Inter-Slavonic Language Contacts

This article deals with the twofold role of written language of the Grand Duchy of Lithuania (the chancery language and the “prostaja mova”) in inter-Slavonic, mainly Polish-Russian language contacts, studied on the materials of the diplomatic correspondence of Muscovy. This study summarizes the research data proving that the written language of the Grand Duchy of Lithuania played the role of an active mediator in the 15–17th centuries in Polish-Russian language contacts and was a source of lexical and semantic borrowings in the Russian written language. What is more, the article examines anew the exposed lexical and semantic borrowings from the written language of the Grand Duchy of Lithuania in the Russian Chancery language of the 17th century.

Keywords: Inter-Slavonic language contacts, Polish-Russian language contacts, diplomatic correspondence (documents) of Muscovy, the written language of the Grand Duchy of Lithuania (the chancery language, “prostaja mova”), language-mediator, language-donor, lexical borrowing, semantic borrowing.

LIUDMILA PAVLOVNA GARBUL

Apie Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės raštijos vaidmenį tarpslaviškuose kalbiniuose kontaktuose

Straipsnyje, remiantis Maskvos Rusijos diplomatinės korespondencijos analize, nagrinėjamas dvejopas LDK raštijos (kanceliarinės kalbos ir „prostaja mova“) vaidmuo kaip tarpininkės ir kaip skolinių šaltinio XV–XVII a. tarpslaviškuose kalbiniuose kontaktuose. Autorė pristato apibendrintus duomenis, kurie parodo LDK raštijos vaidmenį kaip aktyvios tarpininkės lenkų-rusų kalbiniuose kontaktuose, taip pat pateikia anksčiau išaiškintus leksinius ir semantinius skolinius iš šito šaltinio rusų rašytinėje kalboje. Be to, straipsnyje analizuojami XVII a. rusų kanceliarinėje (prikazų) kalboje naujai aptikti skoliniai iš LDK raštijos.

Reikšminiai žodžiai: tarpslaviški kalbiniai kontaktai, lenkų-rusų kalbiniai kontaktai, Maskvos valstybės diplomatinė korespondencija (dokumentai), LDK raštija (kanceliarinė kalba, „prostaja mova“), kalba tarpininkė, kalba donorė, leksiniai skoliniai, semantiniai skoliniai.

Поступило в редакцию: 11 июля 2016 г.

Принято к печати: 30 декабря 2016 г.

Людмила Павловна Гарбуль, доктор гуманитарных наук, доцент Института иностранных языков Вильнюсского университета.

Liudmila Pavlovna Garbul, Ph D (Humanities), Assoc. prof. of the Institute of Foreign Languages of Vilnius University.

Liudmila Pavlovna Garbul, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Užsienio kalbų instituto docentė.

E-mail: liudmila.garbul@flf.vu.lt

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа



**КИРИЛЛИЧЕСКИЕ
ИЗДАНИЯ
XVI ВЕКА**

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ ЯКУБА КОЛАСА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

КАТАЛОГ

Минск
«Беларуская навука»
2017